

Светлана Фокина

«Островной сюжет» в контексте ностальгической авторефлексии в лирике Александры Петровой

Изученность феномена ностальгии уже имеет свои зарождающиеся традиции, основанные на диалоге филологических и культурологических подходов. В данной связи стоит вспомнить раздел, посвященный ностальгии в монографии Жана Старобинского *Чернила меланхолии* и научные поиски Светланы Бойм, в частности ее масштабное исследование *Будущее ностальгии*. Зарубежные ученые устремлены к осмыслению, прежде всего, истоков ностальгии как эмоционально-смыслового комплекса. В качестве материала для своих изысканий и иллюстрации идей избирают авторов либо ставших давно классиками (Овидий, Шарль Бодлер, Анри Бергсон, Владимир Набоков и др.), либо обретающих этот статус в сегодняшней литературной ситуации (Иосиф Бродский, Илья Кабаков). Новаторским представляется изучение феномена ностальгии в лирике современного поэта-эмигранта Александры Петровой, чье творчество начинает получать отклик в критике, но заслуживает более последовательного и пристального внимания.

Критики признают значимость поэтического универсума А. Петровой как самобытного поэта в целом и яркого представителя современной русской поэтической диаспоры. Показательна оценка Александра Гольдштейна:

Случай Александры Петровой выходит из рамок частного происшествия, он иллюстрирует доподлинную литературную потребность. Потребность вырваться за грань привычного мира, превозмочь его тесноту, отчудиться от родного слова, и все ради того, чтобы войти с ним в новую близость. Есть эпохи, когда писателю лучше сидеть на своей почве, как веками сидят крестьяне, и есть времена, заставляющие покинуть ее, ибо только на расстоянии откроется она для чувства и понимания¹.

А. Петрова – поэт-эмигрант и уже этот факт повышает значение ностальгии и авторефлексии.

Для авторского мифа Александры Петровой показателен феномен идентификации при сознательной установке на ее неосуществимость, как в рамках пола, так и в плане объекта ностальгии и поиска своего истинного «я».

¹ А. Гольдштейн, *Три дарования. Предисловие к книге Александры Петровой «Вид на жительство»*, http://www.litkarta.ru/dossier/goldshein-o-petrovoi/dossier_1794/ [дата обращения: 30.12.2020].

В третьей книге стихов *Только деревья* Александра Петрова фиксирует смену места эмиграции, ранее это был Иерусалим. А. Петрова в новой книге обыгрывает некоторые римские топосы, вводит рецепции итальянских вех и образа жизни. По слову Стефани Сандлер, «стихи путешествуют по Риму, то мысленно выгораживая площадку для культурно-исторических разысканий, то минуя безымянные поля и перелески»². Но более примечательна в поэтическом даровании А. Петровой авторская интерпретация феномена ностальгии в рамках сознания эмигранта, что может способствовать выявлению скрытых авторских кодов.

Несомненна преемственность лирического дискурса А. Петровой традициям русской и европейской лирики, что было верно подчеркнуто С. Сандлер. В рецензии на книгу стихов *Только деревья* (2007), показательно названной *Поэт как перемещенное лицо*, отмечены две основные тенденции творчества А. Петровой. Первая – касается статуса поэта-эмигранта. С. Сандлер утверждает, «...поэт укореняется в итальянской жизни, но всё с той же силой ощущает свою вечную непривязанность»³. Второе наблюдение сделано попутно и выражено не столь декларативно, но является также одним из ключей к прочтению лирики А. Петровой. Осмысляя одно из стихотворений сборника, исследовательница замечает,

...неспроста на страницах книги часто появляется цыган: с этим образом традиционно связан мотив кочевой жизни, в которой никакое место не ощущается как свое, как родной дом. [...] у Петровой [...] ее цыгане куда более настоящие, чем известные романтические образцы Мериме или Цветаевой⁴.

Видимо, неслучаен выбор С. Сандлер именно имен Марины Цветаевой и Проспера Мериме как ориентиров А. Петровой в цыганской теме, столь показательной для русской и европейской, в частности французской, литератур. Диалог современного поэта-эмигранта с лирическим дискурсом и авторским сознанием М. Цветаевой несомненен, как и интерес А. Петровой к литературным, мифологическим и мифогенным персонажам с высокой степенью архетипичности, аналогичным в этом статусе роковой Кармен.

Таковыми мифологическими героями в избранном для анализа стихотворении при первом же его прочтении предстают Одиссей и потенциально нимфа Калипсо.

По колдовскому острову брожу.
Случайно вынесло сюда четыре,
пять, шесть, я не помню, лет.

Я их перевожу со словарём,
но кости букв сыпаются в песок,
дробясь в сатурновый неуловимый слог.

² С. Сандлер, *Поэт как перемещенное лицо* [предисловие], [в:] А. Петрова, *Только деревья*, Москва 2007, <http://www.vavilon.ru/texts/prim/sandler.html> [дата обращения: 30.12.2020].

³ Там же.

⁴ Там же.

Чужое солнце проведёт резцом морщины,
ты не узнаешь, кто это в воде,
где тёмное лицо женомужчины
рябит, рассеиваясь в нигде.

Я заблудилась в середине лет,
среди древних слов чешуйчато-крылатых
среди лингвоклонов и химер.

Лишь дальний голос словобрата
в лесу косых лучей
мне приоткроет дверь.

Запутываясь в ветвях, так медленно, по звуко-карте,
– косяк свободных птиц – ко мне пробьются первые слова,
и те, что мальчик вырезал на парте
и заключил в ущербленный овал⁵.

Тема колдовского острова помимо имплицитного обыгрывания мифологических топосов и введения в текст стихотворения литературных аллюзий, подразумевает траекторию движения по кругу. Юрий Лотман отмечает, что «движение по кругу имеет колдовскую, магическую, – а с средневеково-христианской точки зрения, дьявольскую – природу...»⁶. Лотмановские идеи, несомненно, значимы в ментальном универсуме А. Петровой, окончившей филологический факультет Тартуского университета.

В семиотическом плане показательна круглая форма острова и его связь с миром волшебства, сознательно обыгрываемая А. Петровой. Закольцованность, символизируемая кругом и потенциальными «островного сюжета», актуализирует тему вечного повторения, жизни как мифологического цикла и поиска себя в воспоминаниях о прошлом, становящихся гарантией заданности сложившейся судьбы, самоуглубления и неизбежности ностальгии.

Остров мифологически всегда представляет модель некоей инаковости, магичности и загадочности, с акцентом на амбивалентном сочетании открытости и закрытости. Именно поляризация и в то же время взаимодополнение открытости / закрытости моделируют различные «островные сюжеты». Одной из таких сюжетных схем является путешествие с подразумевающимися отдалением и приближением к острову как реально географическому, так и мифолого-метафорическому объекту. Показательна мысль Татьяны Цивьян, что «литературный жанр путешествий был заложен путешествиями по морю, путешествиями на острова, и что образом-клише, так сказать, “первопутешествием”, стало путешествие Одиссея»⁷. Семиотическую модель

⁵ А. Петрова, *Только деревья* [сборник стих.], Москва 2007, <http://www.vavilon.ru/texts/prim/petrova5.html#12> [дата обращения: 30.12.2020].

⁶ Ю.М. Лотман, *Внутри мыслящих миров*, [в:] *Семиосфера*, Санкт-Петербург 2004, с. 309.

⁷ Т. Цивьян, *Остров, островное сознание, островной сюжет*, [в:] *Язык: тема и вариации: избранное: в 2 кн.*, кн. 2: *Античность. Язык. Знак. Миф и фольклор. Поэтика*, Москва 2008, с. 156.

острова определяет колдовской потенциал и связь со своеобразной путевой тематикой. Такой спектр пути в свою парадигму включает значения от «первопутешествия» Одиссея до поиска своей идентичности в осознании себя в мире, ментальных и гендерных кодах, воспоминаниях, онирической реальности. В лирическом сюжете стихотворения *По колдовскому острову брожу...* поэта-эмигранта А. Петровой таким вариантом «островного сюжета» становятся как реминисценции из *Одиссеи*, так и переживание ностальгии.

Тема ностальгии традиционно связана с образом Одиссея, первого ностальгика, воплощающего тоску по родине, прошлому и в то же время обреченного на неизбежные странствия и противостояние судьбе. Характерна и эпистемологизация одиссеевского опыта путешественника как протомодели эмигранта. Авторы статьи, показательно названной *Homo viator*, что в переводе с латыни означает *Человек-путник*, осмысляют культурологический статус путешествия, выявляя его семиотические коды.

«Путешествовать» означает, как минимум, «перемещаться в пространстве». [...] Где перемещение в пространстве – там и пересечение границ. А это уже проблематика «образа Другого»: статус путешественника располагает и иногда даже вынуждает к вынесению суждений об увиденном⁸.

Подобный рассказ соотносит различные типы повествования в единый дискурс, включая нарративные комплексы от фиксации реальных впечатлений и наблюдений до фантазирования. Факторы как экзистенциального, познавательного и символического опыта «*homo viator*», так и травелога – повествования «о различных реальных или вымышленных путешествиях в пространстве и времени»⁹, формируют основу для «субъективно-творческого освоения мира человеком»¹⁰, а в случае рецепции поэтом-эмигрантов активируют ностальгический дискурс.

Поведенческие стратегии во взаимоотношениях с миром *Homo viator*, одним из прототипов которого, несомненно, является Одиссей, могут соотноситься не только непосредственно с путешественником, но и шире с образом эмигранта. Существует также точка зрения, согласно которой Одиссей «это человек границы, который своими путешествиями очерчивает границы греческой идентичности»¹¹. В данном плане примечательны статус «другого», нарушение границ и потребность рассказа о своих перемещениях, практическом и духовном опыте путешественника или же эмигранта – человека границы. Именно «путешествие запускает механизм рефлексии путешественника по поводу его собственной идентичности (в частности, национальной

⁸ А.В. Толстикова, О.Е. Кошелева, *Homo viator*, [в:] «Одиссей: Человек в истории»: Путешествие как историко-культурный феномен, Москва 2010, с. 6.

⁹ В.М. Русаков, О.Ф. Русакова, *Методология дискурс-исследования травелога*, «Дискурс Пи» 2014, т. 4, вып. 11, с. 14.

¹⁰ Там же.

¹¹ Ю.С. Обидина, *Представления о загробном мире в контексте коллективной памяти древних греков: опыт Одиссея как человека «границы»*, «Вестник марийского государственного университета» 2015, т. 1, № 1, с. 39.

или цивилизационной / культурной)»¹². Несомненно пограничность сознания эмигранта как его отличительная черта. В этой связи актуален вопрос о наличии особого эмигрантского психотипа, задающего парадигму мировосприятия, поведения, жизненного и духовного выбора личности. Александр Пятигорский рассматривает эмиграцию как один из вариантов общих миграционных процессов, являющихся условием «человеческого существования и вместе с тем» проявлением «важнейших состояний человека»¹³. Помимо объективных факторов «миграционной установки» как феномена присущего человечеству в целом, ученый допускает «возможность существования и некоего особого “миграционного” психотипа, в котором психическая миграционная тенденция является особенно сильной»¹⁴. Опираясь на мысль ученого, сознание эмигранта в целом как человека и непосредственно как творческой личности представляется самобытным и наделенным неким психоконкомплексом пограничности.

Семиотический статус эмигранта близок путешественнику, а потенциальная возможность ностальгирования открывает пути идеализации значимых объектов, временных континуумов или же хронотопов. Аналогичный сдвиг сознания, согласно нидерландскому мыслителю Франклину Анкерсмит, присущ и феномену ностальгирования. Так «ностальгия глубоко связана с чувством смещения или самим процессом смещения»¹⁵, подразумевая замену реального времени и места, в которых находится ностальгик, идеализированным хронотопом. Ф. Анкерсмит утверждает, что «ностальгия отнимает у объекта ностальгического желания конкретное существование, которым он все еще обладал в контексте исторического опыта»¹⁶. Данная ситуация способствует выпадению личности из исторического времени и включению в режим мифологизирования, что в свою очередь обуславливает «связь пасторального топоса Аркадии с ностальгией»¹⁷.

Согласно утверждению современного немецкого философа Петера Слотердайка, «эмиграция сегодня стала диагнозом, характеризующим массовую психологию. Целые слои населения уже давно в душе живут где угодно, только не в этой стране»¹⁸. Мысль П. Слотердайка обнажает меланхолическую окрашенность современности, для которой эмиграция, пусть даже только воображаемая, видится своего рода выходом из социального, психо-

¹² А.В. Толстикова, О.Е. Кошелева, *Homo viator...*, с. 6.

¹³ А. Пятигорский, *Миграция. Диффузия. Антропоток*, «Со-общение» 2003, вып. 2: *Антропоток: Концепт*, <http://soob.ru/n/2003/2/concept/5> [дата обращения: 30.12.2020]

¹⁴ Там же.

¹⁵ Ф.Р. Анкерсмит, *История и тропология: взлет и падение метафоры*, Пресс-Традиция, Москва 2003, с. 371.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Н.Т. Пахсарьян, *Пасторальное отшельничество как выбор современного парижанина: роман Ж.-М. Шеврье «Далекая Аркадия», «Человек: образ и сущность»* 2011, вып. 1 (22): *Современный человек: Движение к пасторали?*, с. 171.

¹⁸ П. Слотердаик, *Критика цинического разума*, У-Фактория, Екатеринбург 2009, с. 205.

логического и экзистенциального тупика. В связи с таким раскладом неоднозначным представляется режим функционирования сегодня мифологемы «Потерянный Рай». Так «Землей обетованной» для эмигранта предстает не только прежняя родина, но и активизируется обратная ситуация, когда вариантом обретения Нового Парадиза становится желание покинуть место своего сегодняшнего пребывания, оторвавшись от своих корней, пусть даже только в воображении.

Фактор ностальгирования в целом, как и включение поэтом-эмигрантом ностальгических мотивов и символов в свой лирический дискурс, становится индикатором значимости, даже латентной и до конца неосознанной, утраченных корней и ощущения невозможности новой укорененности.

Вышеотмеченные нарративные практики и стремление к самоидентификации взаимосвязаны и потенциально обусловлены ностальгическим мировосприятием, определяя тяготение к исповедальному дискурсу как в очистительном, экзистенциальном, так и в познавательном и игровом планах.

Несомненной представляется взаимосвязь ностальгического чувства с миром страстей, определяющих своеобразие мировосприятия, переживающего их субъекта. Карен Юханнисон прослеживает традиции рассмотрения ностальгии как одной из «болезней страстей» наравне с эротоманией, бешенством и т.д. Шведская исследовательница отмечает, что ностальгия – одно из проявлений меланхолии, имеющей «пограничный характер и [...] представляет собой древнюю форму психического страдания...»¹⁹. Ностальгик своей фантазией моделирует особую психическую реальность, балансирующую между острой тоской по утраченному и несбыточному и возможностью с помощью воображения преодолеть любые границы. Показательно выстраивание А. Петровой лирического сюжета как взгляда на мир через призму ностальгии. Ностальгирование лирического «я» позволяет расширить рамки своей идентификации, как с помощью обращения к одиссеевской теме, так и воссоздавая своего рода исповедь.

С точки зрения Альгирдаса Жюльена Греймаса и Жака Фонтания, «страсть обеспечивает присутствие [...] некоторого набора данных, одновременно напряженных и фигуративных, как, например, это происходит в случае ностальгии о ситуации, которая была или могла бы быть...»²⁰. В рамках лирического сюжета А. Петровой такой ситуацией становится представление о гипотетическом возвращении домой, которое, трансформируя канон одиссея мифа, оказывается для лирического «я» сознательно недостижимым. Потенциальная амбивалентность ностальгического чувства, тоски как о том, что было, так и о том, что можно вообразить и желать, открывает широкий спектр интерпретации ностальгических проявлений. Авторы *Семиотики страстей* отмечают обеспечиваемое страстным дискурсом противоречие, возникающее между «крупными тенденциями человеческого воображения, – ожиданием

¹⁹ К. Юханнисон, *История Меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь*, Москва 2011, с. 20.

²⁰ А.Ж. Греймас, Ж. Фонтаний, *Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души*, Москва 2007, с. 70.

и ностальгией»²¹. Несомненная связь ностальгии со сферой воображения задает некую альтернативу для ностальгика: меланхолического переживания утраченного или же устремления к не осуществленному, но желаемому.

По замечанию Жана Старобинского,

начало поэтике ностальгии, оказавшей столь сильное влияние на западную интеллектуальную традицию, положили несколько великих эпических либо сакральных текстов. [...] В литературной памяти Античности состояние Улисса у Калипсо становится парадигматическим образом жизни на чужбине²².

Данное наблюдение ученого акцентирует не только связь темы Одиссея с «островным сюжетом» и феноменом ностальгии, но и высвечивает роль нимфы Калипсо в обособлении героя от мира. Замкнутость в рамках существования эмигранта неизбежно пробуждает ощущение у ностальгика утраты возможности обретения новых сближений и новой родины.

Аллюзия Одиссея на колдовском острове обыгрывается в анализируемом стихотворении А. Петровой как вариант не только ощущения тоски и одиночества, но и воплощения особой судьбы. Юлия Обидина заключает, что

не случайно древние любители аллегорий видели в острове Калипсо символ тела и материи, от которого должна оторваться душа человека. Философы-неоплатоники придавали путешествию Одиссея и вовсе мистический характер, видя в Одиссее образ души, оказавшейся в чувственном мире²³.

А. Петрова в своем поэтическом тексте, видимо, сознательно контаминирует разные мифологические топосы, где во время своих странствий побывал Одиссей. Так Огигия узнается из перечисления количества лет, проведенным лирическим «я» на колдовском острове.

По колдовскому острову брожу.
Случайно вынесло сюда четыре,
пять, шесть, я не помню, лет.

Известно, что Одиссей находился в плену у нимфы Калипсо семь лет. В то же время тема утраты памяти и сопротивления этому, отсылают к истории лотофагов, пьющих сок лотоса, дарующий забвение. Колдовским является и остров волшебницы Цирцеи, у которой также жил Одиссей. Показательно, что по наблюдению Александра Подосинова, «начиная от лестригонов и до Сирен, маршрут плавания Одиссея совершенно невозможно начертить на современной карте»²⁴. Ученый фиксирует и факт дискуссии «о том, где находился остров Кирки Ээя (в Северно-Восточном океане или в Италии)»²⁵. Но учитывая факт эмиграции А. Петровой именно в Италию, представле-

²¹ Там же, с. 287.

²² Ж. Старобинский, *Чернила меланхолии*, Москва 2016, с. 272–273.

²³ Ю.С. Обидина, *Представления...*, с. 40.

²⁴ А.В. Подосинов, *Куда плывал Одиссей?*, «Аристей» 2012, № 5, с. 75.

²⁵ Там же, с. 76.

ние о существовании италийского мыса Киркей, где хранится легендарная чаша Одиссея, можно расценивать как фактор адекватный авторскому мифу поэта-эмигранта.

Оге Ханзен-Лёве отмечает двойничество Кирки (Цирцеи) и нимфы Калипсо – влюбленных в Улисса хозяек волшебных островов. Одиссеевское пребывание на Эе и Оигии мифологи расценивают как нахождение в Иномирье, а уход от Цирцеи и Калипсо – возвращение в мир живых. В лирическом тексте Александры Петровой ностальгия отождествляется с образом замкнутого пространства – колдовским островом, и персонифицируется в фигуре нимфы Калипсо, удерживающей в плену Одиссея.

Феномен ностальгирования и тема нимфы Калипсо, «той, что скрывает» и способна даровать бессмертие, по мысли О. А. Ханзена-Лёве, прочно взаимосвязанны.

Последнее свойство Калипсо также, как ее связь с *ностальгией* мифологического героя, идеально подходит к общей модели калиптической эстетики в творчестве таких авторов, как Набоков, Мандельштам, Бродский и др., живущих и пишущих под властью ностальгии и тоски по памяти культуры и утраченному времени²⁶.

Мысль австрийского литературоведа акцентирует в творчестве авторов-эмигрантов или же тех, кто по моральным причинам могут чувствовать себя изгнанниками, связь лирико-меланхолического настроения с ностальгированием и значимость для поэтики потаенного, того, что неизменно сокрыто в подтексте.

По мнению Светланы Бойм, возвращение Одиссея на родину «это [...] ритуальное событие, которое не начнется и не заканчивается с ним»²⁷. Так миф об эмигранте потенциально отсылает к истории тоскующего Улисса, утрачивающего радость жизни и мысленно обращающегося к Итаке, практически недостижимой.

С. Бойм отмечает, что одиссеевский путь домой связан с непризнанием там героя, необходимостью «подтвердить свою личность действием»²⁸ и соблазном невозвращения, связываемым исследовательницей с чарами Цирцеи и пением сирен. Осмысляя фактор одиссеевской ностальгии С. Бойм делает вывод, что «коварные колыбельные Цирцеи эхом отражаются в мелодиях дома»²⁹. Мифологическая составляющая феномена ностальгии оказывается примечательна не только страданием от невозможности возвращения и ощущением нахождения в замкнутом, заколдованном круге, но и тайным желанием этого возвращения избежать. Показательны предчувствия опасности, разочарований, а главное – моральной недостижимости возвращения домой, поскольку пространство ностальгии носит ментально-эмоциональный характер и делает призрачной реальную родину, которая к тому же за время

²⁶ О.А. Ханзен-Лёве, *Интермедиальность в русской культуре: От символизма к авангарду*, Москва 2016, с. 133.

²⁷ С. Бойм, *Будущее ностальгии*, Москва 2019, с. 39.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, с.40.

отсутствия значительно изменилась. Ностальгик не только оказывается в амбивалентной ситуации противоречивых желаний возвращения / невозвращения, но и внутренне ориентирован на предпочтение мира воображаемого миру реальному, где бы не находился.

В стихотворении А. Петровой альтернативой ностальгического чувства и поиска своей идентичности становится авторский миф об обретении «словобрата» – альтер эго лирического «я».

Лишь дальний голос словобрата
в лесу косых лучей
мне приоткроет дверь.

Фактор введения в текст темы подобного двойничества активизирует широкие возможности интерпретации. Образ «словобрата» представляет как слиянность, так и разделение единой личности на мужское и женское начало, что вполне согласуется с интенциями авторского мифа А. Петровой. Но не менее значима стратегия поиска двойника во вне авторской психосферы, в виде соотнесения с конкретными или же воображаемыми персоналиями и ипостасями. По наблюдению Софьи Агранович и Ирины Саморуковой, близнечность принципиально отличается от двойничества. Так «двойники-антагонисты сначала сходны, а потом противоположны. Близнецы же сперва предстают как антагонисты, а в конце обнаруживается идентичность их позиций и участи»³⁰. Кроме того, исследователи, акцентируя фактор соотнесения в русской литературе близнецов с социальным низом, в качестве его разновидности называют статус эмигранта. Фактор двойничества, обыгрывающийся в лирическом сюжете А. Петровой в виде мотива близнечности, в культурологическом плане соотносим с темой эмигрантов. Переживание ностальгии определяет раздвоенность сознания и стремление обрести целостность своей личности в моделируемом фантазией образе близнеца.

По наблюдениям Любви Бугаевой,

писатели-эмигранты и писатели-экспатрианты часто используют себя в качестве модели; авторефлексивное повествование отчасти выполняет роль зеркала, в котором субъектный взгляд автора активизирует воображение и память, в т.ч. память о непрожитом³¹.

Включение ностальгического дискурса в лирический сюжет поэта-эмигранта, а возможно, и во всю лирическую систему, вполне закономерно позволяет проявиться в процессе идентификации воображению. Взаимосвязь исповедальности и фантазийного модуса, способствуя самопознанию и своего рода духовному поиску, позволила исследователям дискурса травелога дать определение лирической поэзии – «травелог души»³². Поэтическому тексту в еще большей степени, чем прозаическому, присуща актуализация

³⁰ С.З. Агранович, И.В. Саморукова, *Двойничество*, Самара 2001, с. 47.

³¹ Л.Д. Бугаева, *Литература и rite de passage*, Петрополис, Санкт-Петербург 2010, с. 203.

³² В.М. Русаков, О.Ф. Русакова, *Методология...*, с. 15.

фантазийной модальности при создании образа лирического «я» и выбора масок в соответствии с установками авторского мифа.

Стратегии отождествления взаимосвязаны с представлением о «зеркале» и поэтикой масок, определяющей, по мысли Надежды Сподарец, механизмы проявления «литературной идентификации “Я” в системе отношений с Другим, моделей перманентной трансгрессии»³³. В соответствии с ментальным универсумом современной поэтессы при гендерной амбивалентности лирическое «я» может идентифицироваться как с самим Одиссеем, так и его возлюбленными – хозяйками волшебных островов, а также возможен вариант слиянности мужского и женского в одну личность «женомужчины».

Чужое солнце проведёт резцом морщины,
ты не узнаешь, кто это в воде,
где тёмное лицо женомужчины
рябит, рассеиваясь в нигде.

Такие аспекты авторского мифа поэтессы дают возможность для неоднозначной интерпретации темы ностальгии и смены мифологических масок лирическим «я» в акте идентификации.

Мифологемы изгнания, меланхолии и духовной устремленности домой становятся не только знаковыми для одиссеева мифа, но и складываются в определенный мифопоэтический комплекс актуальный для сознания поэта-эмигранта, не забывающего свою родину и в то же время создающего ее фантазийную, идеализированную модель.

Стихотворение Александры Петровой интересно именно переосмыслением и трансформацией ностальгических доминант, как возведенных в ранг мифологем, так и уже успевших стать стереотипами. В лирическом дискурсе А. Петровой мифологические и литературные маски необходимы для идентификации. Изгнанничество лирического «я», в отличие от Одиссея, который вынужден жить в плену влюбленной в него нимфы Калипсо, хоть тоже мучительное, но добровольное. Видимо, согласно авторскому мифу А. Петровой страсть и самопознание невозможны без изгнания и погруженности в свои воспоминания и мечты о несбыточном.

Подводя итоги, следует резюмировать: интерпретация феномена ностальгии в знаковом лирическом сюжете современного поэта-эмигранта Александры Петровой реализуется благодаря авторским трансформациям мифологемы Одиссея – первого ностальгика. Аллюзивные коды стихотворения *По колдовскому острову брожу...* позволили осмыслить интерпретационный потенциал одиссеева мифа, его связь с «островным сюжетом», с поведенческими стратегиями «homo viator» и калиптической поэтикой. Художественные приоритеты творческого мышления А. Петровой как поэта-эмигранта обусловлены трансгрессивной спецификой ее поэтического сознания. В ходе исследования обосновано влияние на авторский миф А. Петровой места ее эмиграции – Италии. Поставлен вопрос о преемственности в семиотическом плане статусов путешественника и эмигранта, переживающих ностальгию.

³³ Н.В. Сподарец, *Модернизм Серебряного века: литературоведческая идентификация*, Одесса 2017, с. 230.

Несомненно, как в целом, так и непосредственно в интерпретации А. Петровой, взаимообусловленность ностальгии и меланхолии и соответствующая функция кодов «семиотики страстей». Роль мифологических, семиотических и гендерных кодов проявлена на уровне моделирования лирического сюжета, а также в процессе идентификации лирического «я». Ностальгический дискурс активизирует факторы исповедальности и двойничества. В авторском мифе А. Петровой двойничество проявляется разнонаправлено: в виде взаимозамены феминных и маскулинных кодов при обыгрывании пограничности сознания. Показательна трансформация близнечного мифа как обретение alter ego – «словобрата». Поэтика масок в поэтическом дискурсе А. Петровой включает литературные маски Одиссея, Калипсо, Цирцеи, обретаемые лирическим «я» в акте идентификации.

Литература

- Агронович С.З., Саморукова И.В., *Двойничество*, Самара 2001.
- Анкерсмит Ф.Р., *История и тропология: взлет и падение метафоры*, Пресс-Традиция, Москва 2003.
- Бойм С., *Будущее ностальгии*, Москва 2019.
- Бугаева Л.Д., *Литература и rite de passage*, Петрополис, Санкт-Петербург 2010.
- Гольдштейн А., *Три дарования. Предисловие к книге Александры Петровой «Вид на жительство»*, http://www.litkarta.ru/dossier/goldshein-o-petrovoi/dossier_1794/ [дата обращения: 30.12.2020].
- Греймас А.Ж., Фонтаний Ж., *Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души*, Москва 2007.
- Лотман Ю.М., *Внутри мыслящих миров*, [в:] *Семиосфера*, Санкт-Петербург 2004, с. 150–390.
- Обидина Ю.С., *Представления о загробном мире в контексте коллективной памяти древних греков: опыт Одиссея как человека «границы»*, «Вестник марийского государственного университета» 2015, т. 1, № 1, с. 38–42.
- Пахсарьян Н.Т., *Пасторальное отшельничество как выбор современного парижанина: роман Ж.-М. Шеврье «Далекая Аркадия»*, «Человек: образ и сущность» 2011, вып. 1 (22): *Современный человек: Движение к пасторали?*, с. 170–187.
- Петрова А., *Только деревья* [сборник стих.], Москва 2007, <http://www.vavilon.ru/texts/grim/petrova5.html#1> [дата обращения: 30.12.2020].
- Подосинов А.В., *Куда плавал Одиссей?*, «Аристей» 2012, № 5, с. 72–113.
- Пятигорский А., *Миграция. Диффузия. Антропоток*, «Со-общение» 2003, вып. 2: *Антропоток: Концепт*, <http://soob.ru/n/2003/2/concept/5> [дата обращения: 30.12.2020]
- Русаков В.М., Русакова О.Ф., *Методология дискурс-исследования травелога*, «Дискурс Пи» 2014, т. 4, вып. 11, с. 14–20.
- Сандлер С. *Поэт как перемещенное лицо* [предисловие], [в:] А. Петрова, *Только деревья*, Москва 2007, с. 5–12.
- Слотердаjk П., *Критика цинического разума*, У-Фактория, Екатеринбург 2009.

Сподарец Н.В., *Модернизм Серебряного века: литературоведческая идентификация*, Одесса 2017.

Старобинский Ж., *Чернила меланхолии*, Москва 2016.

Толстикова А.В., Кошелева О.Е. *Ното viator*, [в:] «Одиссей: Человек в истории»: Путешествие как историко-культурный феномен, Москва 2010, с. 5–11.

Ханзен-Лёве О.А., *Интермедиальность в русской культуре: От символизма к авангарду*, Москва 2016.

Цивьян Т., *Остров, островное сознание, островной сюжет*, [в:] *Язык: тема и вариации: избранное: в 2 кн., кн. 2: Античность. Язык. Знак. Миф и фольклор. Поэтика*, Москва 2008, с. 151–160.

Юханнисон К., *История Меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь*, Москва 2011.

«Островной сюжет» в контексте ностальгической авторефлексии в лирике Александры Петровой **Резюме**

В статье представлена попытка осмысления феномена ностальгии как культурно-эмоционального комплекса, обуславливающего специфику литературного сознания эмигранта. Выявлены архетипические составляющие ностальгии и предполагаемая парадигма поведения и мировосприятия ностальгика.

Ключевые слова: ностальгия, островной сюжет, одиссеев миф, лирическое «я», авторское сознание, поэт-эмигрант

“Island Plot” in the Context of Nostalgic Autoreflexy in the Lyrics of Alexandra Petrova **Abstract**

The article presents an attempt to understand the phenomenon of nostalgia as a cultural and emotional complex that causes the specificity of the emigrant’s literary consciousness. The archetypal components of nostalgia and the supposed paradigm of nostalgic behavior and worldview have been identified. The allusion specificity of the poem “On the Witchcraft Island Brood...” allowed to understand the specifics of the Odysseus myth, its connection with the “island plot”, with behavioural strategies “homo viator” and calyptic poetry.

Key words: nostalgia, island plot, Odysseus myth, lyrical “self”, author’s consciousness, poet-emigrant

Светлана Фокина, кандидат филологических наук

ORCID: 0000-0002-2406-0978

Доцент кафедры мировой литературы

Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

Svetlana Fokina, associate professor

Odessa I.I. Mechnikov National University

e-mail: svetlana_fokina@ukr.net

+380 974054990